

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2024, Том 12, № 1 / 2024, Vol. 12, Iss. 1 <https://mir-nauki.com/issue-1-2024.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN124.pdf>

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Селиванова, Ю. В. Взаимосвязь тревожности, связанной с проведением специальной военной операции и киберагрессии (на примере молодежи) / Ю. В. Селиванова, А. А. Шаров // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 1. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN124.pdf>

For citation:

Selivanova Yu.V., Sharov A.A. The relationship between anxiety associated with a special military operation and cyber aggression (using the example of young people). *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024; 12(1): 77PSMN124. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN124.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 316.624.3

Селиванова Юлия Викторовна

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
Заведующий кафедрой «Коррекционной педагогики»
Доктор социологических наук, профессор
E-mail: juliaselivanova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2375-4131>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=432226

Шаров Алексей Александрович

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
Доцент кафедры «Педагогической психологии и психодиагностики»
Кандидат психологических наук
E-mail: sha555da@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=478225

**Взаимосвязь тревожности, связанной
с проведением специальной военной операции и
киберагрессии (на примере молодежи)**

Аннотация. Современные условия жизнедеятельности общества подвергаются постоянной трансформации по причине возникновения новых глобальных вызовов. На смену всемирной пандемической ситуации пришла локальная угроза нашей стране, которая обусловила начало проведения специальной военной операции. В настоящее время наблюдается рост исследований, связанных с восприятием обозначенной ситуации, влиянии ее на психологическое благополучие личности и социальных групп. В статье приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи тревожности, связанной с проведением специальной военной операции (общей, социальной и контентной) и киберагрессии (вербально-визуальной, имперсонации и секстинга). На молодежной выборке в 100 респондентов с помощью критерия Краскела-Уоллиса выявлено преобладание общей тревожности, связанной с проведением специальной военной операции. Применение корреляционного анализа по Спирмену показало, что все виды тревожности (общая, социальная и контентная) статистически значимо взаимосвязаны с вербально-визуальной киберагрессией. Показано, что имперсонация является не самостоятельной девиантной практикой, а посреднической в контексте реализации вербально-визуальной киберагрессии, а секстинг не соотносится с тревожностью. Делается

вывод о том, что представители молодого поколения стараются нивелировать тревожность посредством проявления вербально-визуальной агрессии в виртуальном пространстве, а также, что тревожность, связанная с проведением специальной военной операции, может выступать в качестве предиктора проявления киберагрессии. По итогам исследования представлены направления работы в рамках снижения уровня тревожности и фактов совершения киберагрессивных актов. Первое направление включает в себя превентивную и коррекционную работу психологического плана, а второе (непсихологическое) — повышение цифровой этики и культуры поведения в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: взаимосвязь; виртуальное пространство; секстинг; имперсонация; вербально-визуальная киберагрессия; общая тревожность; контентная тревожность

Введение

Современный этап жизнедеятельности бросает новые вызовы человеческому обществу. Быстрое развитие информационно-коммуникативных технологий в совокупности с опытом виртуального взаимодействия в пандемический период, а также особенности самой виртуальной среды, способствуют переносу различных форм социальной активности личности и группы в киберпространство. В исследовательских работах подчеркивается, что виртуальная среда является платформой не только социально-одобряемых форм активности, но и отклоняющихся (девиантных) [1]. Собираемым и обозначающим девиации в виртуальной среде является термин «киберагрессия», введенный в научный оборот относительно недавно [2]. В современном понимании отечественных и зарубежных исследователей — это умышленные со стороны агрессора действия оскорбительного, нежелательного и (или) унижающего характера, осуществляемые с помощью различных информационно-коммуникативных устройств [3; 4]. В отечественных исследованиях повествуется о девиантной активности в виртуальной среде в контексте реализации деструктивных (киберагрессивных) практик. К ним относятся троллинг, залипание, фишинг, скамерство, секстинг, виртуальное попрошайничество, очернение, остракизм и ряд других [5]. Можно констатировать, что существуют различные подходы к классификации виртуальных девиаций. Например, многокомпонентная классификация киберагрессии [6], выделение вербальных форм киберагрессивных актов [7]. Исследования последнего десятилетия лет указывают на то, что молодежь активно сталкивается с различными типами виртуальных девиаций [8], активно реализует киберагрессивные практики [9]. Показано, что киберагрессия повсеместно отражается на социальной активности молодежи в реальной среде, является катализатором роста чувства неуверенности в себе, способствует неадекватно выраженной самооценке, а также может приводить к апатии, риску возникновения аутоагрессивных тенденций, вплоть до крайних форм аутоагрессии [10]. С.П. Ленковым повествуется о том, что киберагрессия не является обособленным феноменом, оторванным от агрессивного поведения в реальной среде, но обладает рядом качественных особенностей, таких, как: фактическая безграничность распространения, неопознанность агрессора, фиксации агрессивного контента, фактическая безнаказанность, вирусный и лавинообразный характер распространения [11].

Еще одним новым социальным феноменом в масштабах нашей страны, является проведение специальной военной операции (далее СВО) с февраля 2022 года. По данным А.А. Казакова, несмотря на характерное для молодежи более сдержанное отношение к СВО, по сравнению со старшим поколением, факт боевых действий вызывает настороженность и беспокойство [12]. В работе Е.М. Якуба приводятся данные о том, что лица молодого возраста эмоционально переживают факт проведения СВО. Автором подчеркивается, что восприятие СВО для молодых людей, с одной стороны, не является значительным психотравмирующим событием, а с другой — вызывает повышение уровня тревожности, что, в свою очередь, может

являться стрессогенным фактором, негативно влияющим на различные стороны психической деятельности [13].

Таким образом, рассмотрение соотношения новых социально-психологических феноменов (киберагрессии и тревожности, связанной с проведением СВО), может внести определенный вклад в практическую и фундаментальную область социальной психологии.

Цель исследования — выявление и описание взаимосвязей структурных компонентов киберагрессии (секстинг, имперсонация, вербально-визуальная киберагрессия) и тревожности, обусловленной проведением СВО (общая, социальная и контентная тревожность). В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что существует взаимосвязь между видами тревожности, обусловленными проведением СВО и типами киберагрессии, реализуемыми лицами молодого возраста в виртуальной среде.

Выборка и методика исследования

Выборка составила 100 респондентов молодого возраста (в возрасте от 18 до 25 лет). Мужчин — 65 %. Жителей областного центра — 50 %, пригорода и сельской местности — 30 %, мегаполиса — 20 %. 30 % обучаются по программам среднего профессионального образования, 70 % по программам бакалавриата и магистратуры.

Диагностические методики данного эмпирического исследования.

1. Опросник социальной тревожности у лиц молодого возраста, обусловленной проведением СВО (Ю.В. Селиванова, А.А. Шаров). Опросник и его подробные психометрические характеристики представлены авторами в 2023 году и содержат шкалы общей, социальной и контентной тревожности. Всего 11 пунктов [14].
2. Опросник киберагрессии (D. Álvarez-García, et al в адаптации А.А. Шарова). Инструментарий и его психометрическая проверка представлены в 2020 году. Опросник содержит 19 пунктов и 3 шкалы: имперсонации, секстинга и вербально-визуальной киберагрессии [15].

Представим описание представленных шкал.

Имперсонация — выдача себя за другого, создание фейкового аккаунта или использование чужого.

Вербально-визуальная киберагрессия — комплексная девиантная практика, включающая в себя различные проявления агрессии в киберсреде (оскорбление, ложная подача жалобы, очернение, угрозы) в рамках виртуального взаимодействия.

Секстинг — пересылка, обмен фото, видео и текстового материала интимного содержания.

Общая тревожность — тревожное состояние, обусловленное самим фактом проведения СВО, мобилизацией ресурсов, переживанием за военнообязанных и судьбу страны в целом.

Социальная тревожность — тревожное состояние в аспекте функционирования индивида на микроуровне в рамках реализации определенной социальной роли, нарушения привычного образа жизни.

Контентная тревожность — тревожное состояние, обусловленное обилием разнополярного, противоречивого контента, связанного с освещением событий, прогнозами по поводу хода и окончания СВО.

Результаты исследования и их обсуждение

Наглядно представим описательную статистику полученных показателей и последующий ее анализ (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика шкал методик

Параметры	Среднее значение	Медиана	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
Имперсонация	3,3	3	3	6	0,7
Сексинг	5,5	5	5	13	1,8
Вербально-визуальная киберагрессия	13,3	12	11	27	4,0
Общая тревожность	13,2	13	8	21	3,0
Социальная тревожность	9,9	10	5	16	2,5
Контентная тревожность	9,8	10	5	16	2,8

Составлено авторами на основе эмпирических данных ($n = 100$)

Из таблицы видно, что по всем шкалам получены показатели стандартного отклонения, которые свидетельствуют о разбросе показателей по шкалам в изучаемой выборке. Наибольшие значения получены по шкалам вербально-визуальной киберагрессии, общей социальной и контентной тревожности. По всем шкалам получены как минимальные, так и максимальные значения, что свидетельствует о разных уровнях выраженности типов киберагрессии и видов социальной тревожности у представителей молодежи. Данную интерпретацию подтверждает вычисление критерия Краскела-Уоллиса к показателям киберагрессии ($H = 242,6$, при $p = 0,05$) и социальной тревожности ($H = 75,96$, при $p = 0,05$). Это доказывает, что проявления киберагрессии и социальная тревожность, связанная с проведением СВО, выражены у молодежи неодинаково. Последующие попарные сравнения показателей выраженности типов киберагрессии показал, что вербально-визуальная киберагрессия более выражена по сравнению с имперсонацией ($H = 180,6$, при $p = 0,05$) и секстингом ($H = 134,6$, при $p = 0,05$). А секстинг является, в свою очередь, более выражен, чем имперсонация ($H = 147,6$, при $p = 0,05$). Сравнение показателей тревожности связанной с проведением СВО продемонстрировало, что общая тревожность является наиболее выраженной по сравнению с социальной ($H = 69,79$, при $p = 0,05$) и контентной ($56,59$, при $p = 0,05$). Не выявлено статистически значимых различий между показателями социальной и контентной тревожности ($H = 0,284$ при $p > 0,05$).

Таким образом, наиболее выраженным типом киберагрессии является вербально-визуальная, а самой высокой является общая тревожность, связанная с проведением СВО. Другими словами, молодежь практикует в виртуальной среде вербально-визуальную киберагрессию по отношению к участникам виртуальной интеракции и испытывает общую тревожность, связанную с проведением СВО.

Показатели теста Шапиро-Уилка по всем шкалам находится на уровне значимости $< 0,001$, что меньше $0,05$. Это значит, что распределение не является нормальным. Следовательно, для последующего вычисления взаимосвязей нами был выбран непараметрический критерий корреляции Спирмена.

Далее представим полученные взаимосвязи характеристик социальной тревожности и типов киберагрессии (табл. 2).

Анализ взаимосвязей между шкалами методик показывает, что чем выше тревожность (общая, социальная, контентная) по поводу проведения СВО, тем более выражена вербально-визуальная киберагрессия по отношению к участникам виртуального общения. Особо подчеркнем, что обозначенный вид киберагрессии проявляется ко всему разнообразию виртуального контента и в различных типах взаимодействия в киберсреде.

Таблица 2

Значимые корреляции характеристик социальной тревожности и киберагрессии

Шкалы опросников	Вербально-визуальная киберагрессия	Имперсонация	Секстинг
Общая тревожность	0,558**	0,126*	—
Социальная тревожность	0,560*	—	—
Контентная тревожность	0,130*	0,115*	—

Примечание: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$. Составлено авторами на основе эмпирических данных ($n = 100$)

Имперсонация по обозначенным в таблице данным коррелирует с общей (0,126) и контентной тревожностью (0,115). Это значит, чем выше тревожность, тем более выражена имперсонация. Можно предположить, что имперсонация не столько киберагрессивная практика, сколько посредническая (нейтральная), которая косвенно направлена на попытку снизить тревожность. Выявленная далее значимая взаимосвязь вербально-визуальной киберагрессии и имперсонации ($r = 0,712$ при $p < 0,01$) подтверждает, что чем более выражена имперсонация, тем выше будет и вербально-визуальная киберагрессия. В нашем случае имперсонация является посреднической практикой для реализации девиантных виртуальных актов, хотя, в другом случае, возможно, и будет являться посредником просоциальной виртуальной активности у представителей молодежи.

Не выявлено значимых (прямых и обратных) взаимосвязей между видами тревожности и секстингом. Это значит, что секстинг не является значимой и популярной практикой киберагрессии в рамках нивелирования тревожности, связанной с проведением СВО в молодежной среде.

Выводы

1. Представители молодого поколения в большей степени практикуют в виртуальной среде вербально-визуальную киберагрессию по отношению к участникам виртуальной интеракции.
2. В молодежной среде преобладает общая тревожность, связанная с проведением СВО.
3. Все виды тревожности, обусловленные проведением СВО взаимосвязаны с вербально-визуальной киберагрессией.
4. Имперсонация является посреднической практикой для реализации вербально-визуальной киберагрессии.
5. Секстинг не взаимосвязан с тревожностью, обусловленной проведением СВО.

Таким образом, можно констатировать, что существуют значимые взаимосвязи между характеристиками тревожности, связанной с СВО и киберагрессией. Вероятно, молодые люди стремятся нивелировать тревожность посредством проявления вербально-визуальной агрессии в виртуальном пространстве, ведь в киберсреде можно анонимно, безгранично и в неограниченном количестве, часто безнаказанно, совершать агрессивные акты по отношению к любому типу контента, адресантам. Данный факт указывает на необходимость проведения превентивной и коррекционной работы, направленной на снижение уровня тревожности и, как следствие, киберагрессии, а также на замену агрессивных виртуальных практик на просоциальные. Это могут быть как мероприятия психологического (индивидуального и группового), так и непсихологического плана. К первым можно отнести совместную работу молодых людей непосредственно с педагогом-психологом и под его руководством. К

последним можно отнести: повышение цифровой этики и грамотности молодежи; отбор надежных аккредитованных на государственном уровне источников информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов А.Д. Угрозы сети. Интернет для несовершеннолетних пользователей: психологический анализ и профилактика. — М.: Проспект. — 2019. — 80 с.
2. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model / *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 275–314.
3. Schoffstall C., Cohen R. Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence // *Social Development*. — 2011. — Vol. 20. N. 3. — P. 587–604. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2011.00609.x>.
4. Вихман А.А., Волкова Е.Н., Скитневская Л.В. Традиционные и цифровые возможности профилактики кибербуллинга // *Вестник Мининского университета*. — 2021. — Т. 9. № 4. — С. 10.
5. Горбачева А.Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети интернет // *Идеи и идеалы*. — 2013. — Т. 2. № 3. — С. 17–25.
6. Васильев Т. Негативные аспекты виртуальной коммуникации и их пастырская оценка // *Христианское чтение*. — 2016. — № 6. — С. 311–329. DOI: <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2016-00099>.
7. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. — 2016. — № 2. — С. 109–116.
8. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // *«Эпоха науки»*. — 2017. — № 12. — С. 103–109.
9. Солдатова Г.У. Флейминг как вид киберагрессии: ролевая структура и особенности цифровой социальности // *Психологический журнал*. — 2021. — Т. 42. № 3. — С. 87–96.
10. Морозова И.С., Каменева В.А., Коломиец С.В., Рабкина Н.В. Представления студентов о понятиях «троллинг» и «флейминг» как предикторы возникновения проявлений агрессии в киберкоммуникациях // *Общество: социология, психология, педагогика*. — 2021. — № 12. — С. 163–171. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.24>.
11. Леньков С.Л. Специфика деструктивной киберагрессии в образовательной среде // *Ярославский педагогический вестник*. — 2020. — № 4(115). — С. 107–117. DOI 10.20323/1813-145X-2020-4-115-107-117.
12. Казаков А.А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. — 2022. — Т. 22. Вып. 4. — С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>.
13. Якуба Е.М. Характеристика эмоциональных состояний россиян после начала специальной военной операции на Украине // *Научный аспект*. — 2023. — № 5. Т. 13. — С. 1569–1581.

14. Селиванова Ю.В., Шаров А.А. Оценка социальной тревожности, обусловленной проведением специальной военной операции на Украине: пилотажное исследование на примере молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. — 2023. — № 7. — С. 26–33. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.7.3>.
15. Шаров А.А. Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника СУВА // Изв. Саратов. ун-та. нов. сер. Сер. акмеология образования. Психология развития. — 2020. — Т. 9. Вып. 2(34). — С. 119–124.

Selivanova Yuliya Viktorovna

Saratov State University, Saratov, Russia
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2375-4131>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=432226

Sharov Alexey Alexandrovich

Saratov State University, Saratov, Russia
E-mail: sha555da@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=478225

The relationship between anxiety associated with a special military operation and cyber aggression (using the example of young people)

Abstract. Modern living conditions of society are constantly undergoing transformation due to the emergence of new global challenges. The global pandemic situation was replaced by a local threat to our country, which led to the launch of a special military operation. Currently, there is an increase in research related to the perception of the designated situation, its impact on the psychological well-being of individuals and social groups. The article presents data from an empirical study of the relationship between anxiety associated with a special military operation (general, social and content) and cyber aggression (verbal-visual, impersonation and sexting). In a youth sample of 100 respondents, using the Kraskel-Wallis criterion, the predominance of general anxiety associated with conducting a special military operation was revealed. The use of Spearman correlation analysis has shown that all types of anxiety (general, social and content) are statistically significantly interrelated with verbal and visual cyber aggression. It is shown that impersonation is not an independent deviant practice, but an intermediary in the context of the implementation of verbal and visual cyber aggression, and sexting does not correlate with anxiety. It is concluded that representatives of the younger generation are trying to neutralize anxiety through the manifestation of verbal and visual aggression in virtual space, and also that anxiety associated with conducting a special military operation can act as a predictor of cyber aggression. According to the results of the study, the directions of work within the framework of reducing the level of anxiety and the facts of committing cyber-aggressive acts are presented. The first direction includes preventive and correctional work of a psychological plan, and the second (non-psychological) — improving digital ethics and culture of behavior in the virtual space.

Keywords: interconnection; virtual space; sexting; impersonation; verbal-visual cyber aggression; general anxiety; content anxiety